

Викентий Чекушин

В тени «Краткого курса»:

КАК ПОВЕСТЬ А.Н. ТОЛСТОГО «ХЛЕБ» НЕ СТАЛА
ЭТАЛОНОМ СОЦРЕАЛИЗМА

Vikenty Chekushin

In the shadow of the «Short Course»: How A.N. Tolstoy's novel «Bread»
did not become the model of socialist realism

Викентий Чекушин

СибГУ им. М.Ф. Решетнева, старший преподаватель кафедры общественных связей
vikisha@bk.ru

Vikenty Chekushin

PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology
vikisha@bk.ru

Ключевые слова: А.Н. Толстой, И.В. Сталин, М. Горький, соцреализм, Гражданская война, миф

Keywords: A.N. Tolstoy, I.V. Stalin, M. Gorky, socialist realism, Civil War, myth

УДК: 82-3

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_93

UDC: 82-3

DOI: 10.53953/08696365_2025_194_4_93

В статье исследуется комплекс социокультурных факторов, не позволивших повести А.Н. Толстого «Хлеб» (1937) стать эталоном соцреалистической литературы. Апологетическое по отношению к Сталину произведение, приуроченное к 20-летию юбилею революции, претендовало на статус образцовой книги о Гражданской войне, однако не заняло этого места. Относительная неудача книги обусловлена рядом экстралитературных причин, главные из которых — изменение отношения Сталина к историческому нарративу, а также появление в печати «Краткого курса истории ВКП(б)». Судя по всему, «Хлеб» вступал с ними в конкуренцию на поле формирования мифа о недавнем прошлом.

The article examines the complex of sociocultural factors that prevented A.N. Tolstoy's story «Bread» (1937) from becoming a benchmark of socialist realism literature. The work, conceived for the 20th anniversary of the revolution and apologetic towards Stalin, claimed to be an exemplary book about the Civil War, but did not take this place. The relative failure of the book was due to a number of extra-literary reasons, the main ones being Stalin's changing attitude to the historical narrative and the appearance in print of «A Short Course in the History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)». Apparently, «Bread», written a year earlier than Stalin's dogmatic Party textbook, was competing with it in the field of myth-making about the recent past.

В 1931 году Сталин отправил знаменитое письмо в журнал «Пролетарская революция», где раскритиковал «полутроцкистскую» статью историка Слуцкого, утверждавшего, по мнению вождя, «что Ленин <...> не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом»¹. Далее Сталин развивал мысль о факультативной роли документальных источников в процессе создания исторического знания: «Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумажные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям?»² Установка судить политиков «по делам», кажущаяся при первом приближении рациональной, на самом деле оказывалась типичным сталинским силлогизмом.

1 *Сталин И.В.* Полное собрание сочинений. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 84.

2 Там же. С. 96.

Для деконструкции его утверждения воспользуемся известной дихотомией, предложенной Х. Уайтом. Историк разделял понятия «события», «происходящего» и «...» отражающего в документальных источниках» и «факта», «концептуально конструирующего» в мысли и/или «...» в воображении и существующего только в «...» языке или дискурсе»³. Иначе говоря, только «описанное событие, ставшее частью исторического знания», может наделяться статусом факта⁴. Сталин отрицал корреляцию между «историческим событием» и «историческим фактом». В его логике «исторические факты» могли конструироваться без всякой опоры на документальные источники, что, естественно, открывало практически неограниченные возможности для мифологизации истории.

К началу 1930-х годов именно литература стала ключевым инструментом формирования социального и исторического воображаемого. Так, например, первые части романа А.Н. Толстого «Петр Первый» во многом сформировали основные эстетические параметры исторической эпопеи соцреализма, а также внесли весомый вклад в создание нормативного образа России начала XVIII века⁵. Сталина, в свою очередь, на тот момент устраивало положение дел, при котором он верифицировал наиболее удачную с его точки зрения трактовку исторических событий.

Иначе сложилась ситуация с повестью Толстого о недавнем прошлом. Автор «Хлеба», судя по всему, ставил перед собой амбициозную задачу художественно оформить миф о Гражданской войне, которую оказалось невозможно выполнить в конце 1930-х годов, поскольку Сталин фактически монополизировал функцию производства социального и исторического воображаемого. Именно поэтому он активно принимал участие в создании ключевых советских учебников (прежде всего «Краткого курса истории ВКП(б)»). В итоге «фантазии «...» вождя» стали превращаться «в “объективные причины” и “исторические закономерности”»⁶.

3 Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 11.

4 Олейников А. Освобождение события // Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 26.

5 Симптоматично, что Толстой буквально связывал создание исторического романа с процессом работы писательского воображения. Вот как он писал о создании образа Петра Первого: «Я видел все пятна на его камзоле, — но Петр все же торчал загадкой в историческом тумане» (Толстой А.Н. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. М.: Гослитиздат, 1949. С. 233. Далее ссылки на это издание будут даваться в круглых скобках с указанием соответствующего тома и страницы). Судя по всему, даже Сталин поначалу удивлялся умению писателя достоверно репрезентировать масштабные исторические события, свидетелем которых тот не являлся. Историк И.И. Минц (речь о нем пойдет далее) в своем дневнике оставил любопытную запись, относящуюся к маю 1935 года, когда Толстой в период работы над «Хлебом» встречался с К.Е. Ворошиловым. Во время разговора нарком обороны вспомнил слова вождя об эпопее «Хождение по мукам»: «Видите ли, нам всем в ЦК понравилось Ваше произведение «...». Сталин даже как-то выразился, что удивляется Вашему умению показать Гражданскую войну, не видя ее» («Из памяти выплыли воспоминания...»: Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И. Минца. Институт всеобщей истории. М.: Собрание, 2007. С. 12). Впоследствии талант «воображать историю» сыграл с Толстым злую шутку.

6 Добренко Е.А. Между историей и прошлым: писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса // Соцреалистический канон: Сборник статей / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 665.

Более того, «Хлеб» вышел на год раньше сакрального «Краткого курса», что порождало подобие конкуренции между писателем и вождем на поле создания исторического воображаемого. Указанные причины, как мы постараемся показать ниже, предопределили относительную неудачу толстовской повести.

* * *

В 1940 году 17-летний сын Никита задал А.Н. Толстому вопрос: «Папа, почему ты, такой замечательный писатель, написал такую плохую повесть “Хлеб”?»⁷ В ответ Толстой «помолчал немного, потом его лицо сделалось лукавым и он сказал: “Художник имеет право на ошибки”»⁸. Сразу после выхода повести критики также начали писать о ее художественных слабостях, хотя в целом тон рецензий и был положительным. Так, автор «Правды» отмечал «некую недоделанность книги: слабое начало, отсутствие конца <...> художественную неравноценность отдельных кусков»⁹. Драматург Н.Ф. Погодин сравнивал роман о Петре и «Хлеб» не в пользу последнего:

...читатель заметит, что в «Петре Первом» тоже переработан и дан исторический материал, но переработан совсем не так, как в «Хлебе». Писатель имеет право применить любой прием, какой ему покажется лучшим... Но, что таить грех, — бросаются в глаза пропорции «сухих» исторических записей и художественных картин повести. Хочется <...> чтобы эти «сухие» исторические записи раздвинулись и превратились в художественные картины¹⁰.

Рецензент указывал на спешку писателя, не позволившую добиться баланса между документальным и художественным письмом. «Мы не думаем о наших потомках, мы даем им торопливые наброски величайших событий, творимых величайшими людьми»¹¹.

Зато рецензенты были практически единодушны в другом — удачей книги объявлялось апологетическое изображение тогдашних лидеров партии. Сталин предстал в ней архитектором победы под Царицыном в 1918 году, от которой якобы зависел исход всей Гражданской войны. О том, что влияние этой битвы на исход войны преувеличивалось тогдашней пропагандой, писали уже комментаторы собрания сочинений Толстого, вышедшего в 1958 году¹². В повести именно Сталин указал Ленину на важность южного направления и был немедленно отправлен туда наводить порядок в войсках и бороться с предателями. Отстояв Царицын, большевики наладили снабжение продовольствием Москвы и Петрограда. «Автор сумел <...> художественно осмыслить, почувствовать стиль работы Ленина и Сталина, стиль великой победоносной Октябрьской революции» и «создать героическую эпопею о великом и органическом единении народа и его вождей», — резюмировал рецензент «Известий»¹³.

7 Толстой Д.А. Для чего все это было: Воспоминания. СПб.: Библиополис, 1995. С. 85.

8 Там же.

9 Лежнев И. Героическая повесть // Правда. 1938. № 11. С. 5.

10 Погодин Н. Красная армия в современной художественной прозе // Большевик. 1938. № 4. С. 91.

11 Там же.

12 Толстой А.Н. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1958. С. 715.

13 Лейтес А. «Хлеб» Алексея Толстого // Известия. 1938. № 7. С. 4.

Казалось бы, «Хлеб» по всем параметрам подходил на роль эталонного соцреалистического произведения. В основе повести лежал ключевой для соцреализма конфликт между «стихийностью» и «сознательностью» (если пользоваться терминами К. Кларк) — для противостояния «белым» лидеры большевиков собрали рабочих и крестьян в дисциплинированную Красную армию, ввели хлебную монополию, чтобы искоренить спекуляцию, и в конечном счете решили практически невыполнимую задачу отстоять Царицын.

Повесть стала одним из первых крупных литературных произведений о Сталине, а ее выход Толстой приурочил к празднованию 20-летия Октябрьской революции (авторская датировка — 16 октября 1937 года) и последующему 20-летию обороны Царицына. Первые главы начали печататься осенью в журнале «Молодая гвардия». Содействие писателю при создании текста оказывали нарком обороны К.Е. Ворошилов и другие видные партийные функционеры, М. Горький и члены редакции важнейшего на тот момент для советской системы проекта «История Гражданской войны» (далее — ИГВ). Повествование сосредоточилось вокруг одного из ключевых для советской историографии событий, в нем присутствовала и магистральная для идеологического мейнстрима середины 1930-х годов тема заговора, инспирированного Троцким. В повести художественно оформлялась историческая концепция «двух вождей», соответствовавшая тем канонам, «которые стали складываться под влиянием формировавшегося культа Сталина»¹⁴. Тем не менее даже такое сочетание благоприятных для книги факторов не позволило «Хлебу» занять место образцовой соцреалистической повести о Гражданской войне. Судя по всему, Толстой поначалу отводил своей книге именно такую роль, регулярно заявляя об уникальности собственного метода, разработанного специально для решения задачи достоверной художественной реконструкции событий недавнего прошлого¹⁵.

Спустя же несколько лет Толстой стал описывать свой опыт как неудачный не только в разговоре с сыном, но и публично. В мае 1943 года он раскрыл собственное произведение на заседании Союза советских писателей: «...возникла сухая и слабая повесть “Хлеб”. Здесь была дана чисто историческая эпоха»¹⁶. В автобиографии того же 1943 года Толстой ответил на критику повести и в конце пассажа почти повторил фразу, сказанную сыну:

Я слышал много упреков по поводу этой повести: в основном они сводились к тому, что она суха и «деловита». В оправдание могу сказать одно: «Хлеб» был попыткой обработки точного исторического материала художественными средствами; отсюда несомненная связанность фантазии¹⁷. Но, быть может, когда-нибудь

14 *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 109.

15 Одновременно с этим Толстой легитимировал свое произведение, опираясь на патриотический дискурс, ставший ключевым на этапе так называемого руссоцентричного поворота. В тот период писатель начал формировать репутацию создателя «нового советского эпоса». Так, он сравнивал «Хлеб» со «Словом о полку Игореве» и одновременно причислял его к «оборонной» литературе, влиятельному направлению пропагандистского искусства. Более подробное рассмотрение этого аспекта толстовского автомифотворчества выходит за рамки нашей работы.

16 *Толстой А.Н.* Собрание сочинений. Т. 6. С. 727.

17 По справедливому замечанию советского толстоведа, эта фраза вступает в противоречие с более ранними заявлениями о богатстве документального материала:

кому-нибудь такая попытка пригодится. Я отстаиваю право писателя на опыт и на ошибки... (1, с. 88–89).

Однако, по нашему мнению, причины относительной неудачи книги лежат не только и не столько в эстетической плоскости — эталонными в период сталинизма признавались многие несовершенные в художественном отношении произведения. Дело в том, что в сложившейся ко второй половине 1930-х годов социокультурной ситуации «Хлеб» имел мало шансов стать произведением, которое бы оформило контуры исторического мифа о недавнем отечественном прошлом.

Первые документальные материалы о событиях обороны Царицына Толстой начал получать в 1934 году, работа над повестью велась с разной степенью интенсивности около трех лет¹⁸. Именно в этот период серьезно изменились политическая ситуация в стране и отношение Сталина к историческому нарративу. Далее мы проанализируем комплекс причин, обусловивших относительную неудачу повести, которая «казалось бы, на вершине успеха <...> неожиданно быстро начала терять свою силу. О повести почти перестали говорить, что не могло произойти без “отмашки” сверху»¹⁹. Вскоре переиздания книги «внезапно прекратились» (она была переиздана в 1941 году, еще при жизни Толстого)²⁰.

«Хлеб» задумывался как приложение к масштабному проекту ИГВ, запущенному по инициативе Горького. Одна из главных целей проекта была сформулирована следующим образом: «мы даем миллионам точку зрения»²¹. Иначе говоря, задачей ИГВ должно было стать конструирование идеологически верного исторического повествования. Постановление «Об издании “Истории гражданской войны”» вышло 31 июля 1931 года. Секретариат возглавил влиятельный академик И.И. Минц. Изначально «<д>ля <...> предельной ясности языка» и «красочности, художественности» изложения к беллетризованной обработке документальных материалов предполагалось привлечь ведущих советских писателей. В письме к членам Политбюро Горький называл две причины такого решения: 1) Историю нужно написать занимательно, чтобы она была доступна для понимания массовой аудитории, прежде всего крестьянства и пролетариата. Популярное изложение позволило бы «сделать книгу, которая, преследуя цель социалистического привлечения массы, была бы интересна и увлекательна для малограмотного взрослого и для юноши»²². 2) Работа по созданию текстов для ИГВ должна была способствовать идеологической

«Ссылка на “скованность фантазии” приходит в некоторое противоречие со словами Толстого же о том, что сами факты настолько интересны, что “незачем выдумывать особую интригу”» (*Чарный М.Б.* Путь Алексея Толстого: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1961. С. 181).

18 Сложная история создания произведения реконструирована в следующих работах: *Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (краткий очерк). М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 217–233; *Быстрова О.В.* Участие А.Н. Толстого в проекте М. Горького «История гражданской войны» // *Studia Litterarum.* 2025. Т. 10. № 2. С. 308–325.

19 *Илизаров Б.С.* «Хлебом» единым...: А.Н. Толстой и его повесть «Хлеб (оборона Царицына)». 1937 г. // *Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени: К 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова* / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 343.

20 Там же.

«формовке» (выражение Е.А. Добренко) советских литераторов, посредством «вовлечения их в серьезную политработу», что «послужит к пользе нашей литературы»²³.

В Главную редакцию проекта вошел Сталин, а также ряд влиятельных членов Политбюро ЦК ВКП(б) — Ворошилов, Киров, Молотов. Это свидетельствовало о том, что

История <...> впервые была включена в политическое поле на равных основаниях с другими объектами политики... До этого ЦК ВКП(б) никогда не управлял созданием книг и не организовывал специальных институтов управления исторической идеей²⁴.

Тенденция политизации истории во второй половине 1930-х годов будет только усиливаться, пиком указанного процесса станет выход «Краткого курса истории ВКП(б)». Предпосылки же к этому были заложены еще при работе над ИГВ — параллельно с Главной была сформирована отдельная художественная редакция, при этом парадоксальным образом в коллективе авторов практически не оказалось историков. Смысл такого решения заключался «в том, что ЦК позиционирует себя не как писателя (поэтому их приглашает), а как историка (поэтому их не приглашает)»²⁵. Иными словами, в обсуждаемый период политические лидеры не планировали лично заниматься беллетризацией исторических текстов. На тот момент их удовлетворяла роль идеологов, транслировавших свои установки профессиональным литераторам, задачей которых было создание понятного широкой публике исторического нарратива.

Согласно первоначальному замыслу, писателей планировалось «прикрепить» к той или иной территории. Так, Толстой должен был описывать события на Северном Кавказе и в Гуляй-поле²⁶. Позднее его собирались привлечь еще и к беллетризации томов, где должна была идти речь о начале интервенции и борьбе с «врангелевщиной»²⁷. Однако замысел совместного написания текста историками и писателями так и не был реализован до конца (литературной обработке подвергся лишь первый том). Авторами разделов стали участники Гражданской войны, занимающие высокие государственные и партийные должности. «Список авторов говорит о том, что ИГВ готовилась как полити-

21 К протоколу заседания Редколлегии «Истории гражданской войны». Прения по плану издания «Истории гражданской войны» // Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов / Отв. ред., сост. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 45.

22 Письмо Горького членам редколлегии ИГВ с представлением плана издания. Цит по: «История гражданской войны в СССР» (1935 год): История текста и текст истории / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2017. С. 501.

23 Там же. С. 502.

24 *Ирошников М.П., Зеленов М.В., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю.* Некоторые теоретические проблемы изучения истории гражданской войны и варианты их решения в 1930–1935 годов // Новейшая история. 2018. Т. 8. № 2. С. 496.

25 Там же.

26 См.: *Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С.* «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // Историография Гражданской войны в России. С. 19.

27 *Быстрова О.В.* Указ. соч. С. 312–313.

ческий, а не исторический текст»²⁸. Одновременно предполагалась выпускать сборники воспоминаний участников событий и очерки профессиональных литераторов.

После череды организационных трудностей первый том ИГВ вышел в 1935 году и

был встречен массовым восторгом. Патронаж Горького, участие в редколлегии партийных вождей, широко распространенные слухи о том, что Сталин лично участвовал в подготовке текста, обеспечили книге беспрецедентный авторитет²⁹.

Первый том охватывал период от начала Первой мировой войны до кануна Октябрьской революции. По воспоминаниям Минца, Сталин похвалил работу редакции, однако «<о>добрив общее направление и сюжет книги <...> раскрыл ее слишком цветистый, метафоричный язык»³⁰, а затем внес обильную правку с целью придать тексту большую строгость. По-видимому, в то время генсек придерживался мнения о том, что историческое повествование должно быть стилистически нейтральным³¹. Как мы покажем далее, к 1937–1938 годам его взгляд на исторический нарратив существенно изменится, что и станет одной из причин неудачи «Хлеба» как историко-политического проекта.

Толстой, не дожидаясь выхода первого тома ИГВ, по просьбе Ворошилова начал собирать материалы для работы над повестью об обороне Царицына, причем ему были доступны и документы, оставленные противниками большевиков³². В письме от 29 апреля 1935 года Горький сообщал Ворошилову об этой работе:

Я хочу напомнить об одном Вашем пожелании — дать художественное произведение, посвященное обороне Царицына... За дело взялся Алексей Толстой, а всю подготовительную работу и историческую консультацию мы возложили на т. Минца. Сейчас предварительная работа закончена и т. Толстой собирается уже писать³³.

Далее адресант просил наркома лично принять у себя Толстого и Минца для получения «указаний руководителей и активных участников» событий (в мае 1935 года состоялось две встречи). В одной из них также принимали участие режиссеры брата Василиевы (в 1942 году они сняли картину «Оборона Ца-

28 Зеленов М.В. Предисловие // «История гражданской войны в СССР» (1935 год). С. 14.

29 Бранденбергер Д. Заключение // Там же. С. 571.

30 Цит. по: Там же. С. 588.

31 Когда Сталин читал черновик учебника для школ, написанного под редакцией все того же Минца, ему «показалось нелепым то, как авторы постарались дать живое представление о предыстории Куликовской битвы: “Тремя дорогами выступило к Оке московское войско. Стояли теплые дни, грело солнце, дул легкий попутный ветер”. Сталин, понимая присочиненность всех этих метеорологических деталей, язвительно приписал: “Ха-ха-ха”» (Дубровский А.М. Указ. соч. С. 223).

32 См.: Ганин А.В. Образ белогвардейского агента генерала Носовича в повести А.Н. Толстого «Хлеб» // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 397.

33 Цит. по: Письма А.М. Горького к участникам проекта «История гражданской войны» // *Историография гражданской войны в России*. С. 152. Ворошилов еще в 1929 году выпустил брошюру «Сталин и Красная Армия» — один из основных текстов, легших в основу мифа о роли Сталина в ключевых боях с «белыми». На него опирались и авторы ИГВ (см.: MacKinnon E. Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the *Istoriia grazhdanskoi voiny* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2005. Vol. 6. № 1. P. 22).

рищина») (13, с. 509). Свою причастность к масштабному проекту Толстой обозначил и в авторском примечании к первому изданию: «Повесть написана по документам и материалам редакции “Истории гражданской войны”» (13, с. 689). Как мы видим, Толстой начинал работу над повестью «Хлеб», следуя установке, полученной от редакции ИГВ. Эта установка заключалась в необходимости опираться на документальные источники и создать текст на стыке фикционального и нефикционального типов письма. Как отмечал Р. Барт, наиболее эффективно навязываются обществу те политические мифы, которые деформируют реальные факты³⁴. В случае Толстого опора на документальные источники позволяла сделать исторический нарратив более убедительным для читателей. В то же время художественные компоненты позволяли безболезненно деформировать реальность в угоду идеологическим задачам и занимательности изложения. Такая структура позволяла объявить повесть текстом, чья истинность не должна подвергаться сомнению.

Рукопись «Хлеба» была закончена лишь осенью 1937 года (из типографии книга вышла в декабре)³⁵, когда политическая обстановка, а вместе с ней и отношение к истории изменились. Именно в середине 1930-х годов Сталин интенсивно пересматривал свои взгляды на события недавнего прошлого, «начиная от роли партии и революционных масс и заканчивая международным значением событий»³⁶, при этом «содержание историзма определялось» им «в соответствии с политическими задачами»³⁷. Перемена взглядов генсека на исторический процесс совпала с репрессиями в отношении представителей пантеона героев Гражданской войны. Массовые кампании чисток также затронули множество пропагандистских изданий и проектов, которые регулярно редактировались или закрывались из-за появления все новых известий об арестах³⁸. На фоне Большого террора была свернута недавно начавшаяся кампания по героизации «старых большевиков», которой во многом способствовал выход ИГВ. Не случайно следующий том проекта, давшего импульс написанию «Хлеба», появился только в 1943 году.

Кроме того, во второй половине 1930-х годов окончательно кристаллизовалась сталинская манера правления. Он «как политик прежде всего был редактором подготовленного для утверждения текста» и «воспринимал российскую политическую культуру через письменный текст»³⁹. Сталин верил «в силу слов, идей в формировании реальности»⁴⁰ и «воспринимал советские и между-

34 Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 95.

35 Быстрова О.В. Указ. соч. С. 320.

36 Бранденбергер Д. Как Сталин переписал историю Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ГЦМСИР, 2018. С. 502.

37 Добренко Е.А. Поздний сталинизм: Эстетика политики: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 49.

38 См.: Бранденбергер Д. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2009. С. 52–55.

39 Максименков Л.В. Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция 1936–1938 годов. М.: Юридическая книга, 1997. С. 3.

40 Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 77.

народные дела главным образом сквозь призму документов, лежащих на его столе»⁴¹. Для него было привычно взаимодействовать с внешним миром посредством письменного слова, потому что он, как и многие большевики, накопил большой опыт журналистской и редакторской работы⁴². В итоге за время своего правления генсек «отредактировал Советский Союз»⁴³. На практике это приводило к тому, что политика, подобно литературе, рассматривалась как разновидность письма⁴⁴, поэтому задачи идеологических и художественных текстов становились практическими идентичными и по большей части были нацелены на формирование советского субъекта посредством (вос)производства идеологического дискурса. Последний не только становился важной частью художественных текстов, но испытывал на себе их влияние и начинал соответствовать «программе, совпадающей по основным параметрам и принципам с модусами и тропами соцреализма»⁴⁵.

Такое положение дел неизбежно привело к тому, что Сталина перестала удовлетворять роль «историка». К 1937 году он и другие партийные лидеры уже «чувствуют себя в истории как настоящие писатели, занимаясь составлением различных периодизаций или компоуя исторический материал тем или иным образом»⁴⁶. Квинтэссенцией такого подхода к нарративу о прошлом стали тексты важнейших идеологических документов эпохи сталинизма: «Краткого курса истории СССР» для школьников (1937) и особенно «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938).

Разработка нового пособия для школы началась в 1934 году после окончательного отказа от доктрины Покровского и призыва Сталина к реабилитации выдающихся деятелей дореволюционного прошлого. В пособии планировалось также изложить новую концепцию, где фиксировалась бы особая роль русского народа в создании государственности, а «<и>стория должна была принять традиционный для дореволюционной школы государственно-патриотический характер»⁴⁷. Процесс разработки учебника шел тяжело и занял около трех лет, почти совпавших со временем работы Толстого над «Хлебом».

В августе 1937 года «Правда» опубликовала постановление о результатах конкурса на лучший учебник⁴⁸. Жюри отказалось давать первую премию, однако наиболее пригодной сочло книгу под редакцией А.В. Шестакова. Перед публикацией текст подвергся значительной переработке Сталиным, который стал «фактически не только редактором, но и одним из авторов» этого труда⁴⁹. Именно в этом тексте «национал-большевистская линия впервые была четко сформулирована»⁵⁰.

41 *Davies S., Harris J. Stalin's World: Dictating the Soviet Order. New Haven; London: Yale University Press, 2014. P. 1.*

42 *Ibid. P. 14.*

43 *Вайскопф М. Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 7.*

44 *См.: Кларк К. Москва, четвертый Рим: Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 135.*

45 *Добренко Е.А. Поздний сталинизм... С. 43.*

46 *Добренко Е.А. Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 40.*

47 *Дубровский А.М. Указ. соч. С. 151.*

48 *Подробно об этом процессе см.: Там же. С. 207–250.*

49 *См.: Там же. С. 240.*

50 *Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 78.*

Толстой, очевидно, следил за газетной полемикой вокруг учебника и выпустил «Хлеб» на несколько месяцев позже, успев приурочить публикацию и к 20-летию революции, и к 20-летию царицынской обороны. О том, что при работе над «Хлебом» писатель ориентировался на разделы «Краткого курса истории СССР» о Брестском мире, интервенции и обороне Царицына, свидетельствуют в числе прочего несомненные текстуальные совпадения. Приведем самые показательные из них. О нежелании солдат продолжать войну с Германией в учебнике написано так: «...старая армия России неспособна была больше воевать и она разбежалась по домам. На крышах вагонов, на буферах и тормозах поездов возвращались солдаты домой»⁵¹. В «Хлебе» эта формулировка повторяется почти дословно: «Солдаты влезали в поезда, на крыши вагонов, цепляясь за буфера и ступеньки, грозили смертью машинистам...» (8, с. 426). Из учебника в повесть также вошел эпизод восстановления моста через Дон под огнем белоказаков (его мы проанализируем далее).

Художественно оформив важные для пропаганды эпизоды революции и Гражданской войны из учебника, редактировавшегося Сталиным, Толстой, казалось бы, легитимировал себя в роли создателя образцового исторического мифа о недавнем прошлом. Однако этот ход не вполне удался из-за появления год спустя главного идеологического текста сталинской эпохи — «Краткого курса истории ВКП(б)». И в этом случае генсек, не удовлетворившись работой историков, ориентировавшихся, в частности, на учебник Шестакова, активно редактировал текст⁵². «Правда» начала публикацию глав «Краткого курса» в сентябре 1938 года. Текст учебника (как и «Хлеба») включал в себя элементы как фикционального, так и нефикционального письма.

«Краткий курс», в отличие от ИГВ, сосредотачивался в большей степени «на персонифицированных референтах исторического знания — классах, партиях, профсоюзах»⁵³. Такая установка содержалась в постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”»:

В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, — «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма⁵⁴.

Само издание задумывалось не просто как учебник по истории партии. Книга «стал<a>» мощным фактором становления новой политической и историчес-

51 Краткий курс истории СССР: Учебник для 3 и 4 классов / Под. ред. А.В. Шестакова. М.: Учпедгиз, 1937. С. 165.

52 Ю.В. Шатин так писал о сложности четкой атрибуции авторства учебника: «Нельзя сказать, что этот текст написан Сталиным, поскольку тогда он превратится в текст Сталина о Сталине и станет чем-то вроде политической автобиографии. Но нельзя сказать и того, что этот текст написан не Сталиным, не только потому, что в нем сохраняются все индивидуальные черты сталинского стиля, но и потому, что только сталинский текст является носителем конечной и абсолютной истины» (Шатин Ю.В. Политический миф и его художественная деконструкция // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 72).

53 Зеленев М.В., Бранденбергер Д. Предисловие // «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия, Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2014. С. 34.

54 О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» // Красный архив. 1938. Т. 6 (91). С. 4.

кой идеологии, новым эстетическим оформлением отношения Сталина к событиям прошлого и будущего»⁵⁵.

Выход сакрального для советского проекта текста закреплял за Сталиным не только статус главного историка-идеолога, но и «писателя», создавшего, как и Толстой годом ранее, историческое повествование на стыке исторического и художественного письма.

Пространство «Краткого курса» — это пограничье между историей и литературой <...> Несомненно, что большой стиль соцреализма возник во многом под влиянием сталинского нарратива. Вождь и сам поднимается иногда до настоящего реалистического письма⁵⁶.

Язык книги изобилует метафорами, а его поэтика частично опиралась на поэтику В.В. Маяковского⁵⁷. «Краткий курс» во многом подменял собой корпус не только исторических, но и литературных текстов о Гражданской войне. Книга стала метатекстом для всей культуры соцреализма, что окончательно закрепляло за Сталиным роль главного советского писателя⁵⁸. Это привело к тому, что он окончательно превратил историю «в книгу, которую можно открывать и закрывать по своему желанию»⁵⁹. Как представляется, после выхода «Кратких курсов» потенциальная пропагандистская роль «Хлеба» должна была серьезно снизиться. Книга Толстого оказалась в тени двух учебников, в создании которых принимал участие Сталин. Кроме того, выход «Краткого курса истории ВКП(б)» окончательно закрепил за Сталиным функцию не только историка, но и писателя, «автор<а> авторов»⁶⁰. Иными словами, «Краткий курс» апроприировал функцию художественного оформления исторического мифа о недавнем прошлом и роли в нем Сталина. В то же время практически полное слияние идеологического и художественного дискурсов неизбежно порождало подобие конкуренции между автором «Хлеба», профессиональным писателем Толстым, и «писателем Сталиным», решившим заняться исторической беллетристикой.

В отличие от большинства других советских идеологических документов, «Краткий курс» ни разу не корректировался (из него лишь удалили упоминание о расстрелянном Ежове⁶¹), поскольку задумывался как самодостаточный, мифологический по своей природе и прагматике текст, где фиксировался единственно верный взгляд на процесс формирования и развития советского государства. «Так самодостаточно литературное произведение, которое не может быть дописано вне зависимости от того, что потом “произошло” в реальности, поскольку реальность для него нерелевантна»⁶². Иными словами, история партии стала еще и функциональной заменой «мифа сотворения» советского государства, где роль демиургов отводилась Ленину и его «наследнику» Сталину.

Обычно события внутри мифологического повествования представляют собой «нечто большее, чем звено в цепи исторических фактов или элемент ис-

55 Зеленов М.В., Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 26.

56 Добренко Е.А. Музей революции... С. 306.

57 Шатин Ю.В. Указ. соч. С. 71.

58 См.: Добренко Е.А. Между историей и прошлым... С. 641.

59 Brooks J. Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 79.

60 Кларк К. Указ. соч. С. 133.

61 См.: Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 54.

62 Добренко Е.А. Музей революции... С. 309.

торической фавулы; он уже в зародыше отмечен определенным знаком»⁶³. Этим обусловлена их детерминированность: «...мир “Краткого курса” — мир, очищенный от случайностей, мир, в котором все определено заранее»⁶⁴.

События в «Хлебе» тоже подчиняются определенной закономерности, которую задает не только логика истории, но и воля Сталина, вступившего с ней в резонанс⁶⁵. Детерминированность событий создавала эффект оправданных ожиданий — читатель заранее знал, что «красные» одержат победу, и чем больше трудностей они преодолевали, тем очевидней становилась неизбежность их прихода к власти. Приведем один из наиболее репрезентативных примеров. Отряду большевиков необходимо восстановить железнодорожный мост через Дон, задача которого выдержать проезд нагруженных эшелонов. Между инженером Бахваловым и Ворошиловым происходит следующий диалог:

— Высота здесь от уровня воды — 54 метра, — сказал Бахвалов. — Наше счастье, что взорван первый пролет, если бы они взорвали мост посередине, над рекой, тогда уж ничего не поделаешь...

— Сволочи, а!.. — проворчал Ворошилов. — Придется нам тут попотеть.

— Кроме дерева, материалов у нас нет. Придется во весь пролет ставить ряд деревянных быков... 54 метра для деревянных сооружений — высота почти что невозможная.

— Ну, вот тебе — невозможная!.. Инженер!

— Так ведь материал, скажем — деревянный брус, имеет свой предел сопротивления...

— Материал точно так же подчиняется революции... Тут ты меня не разубедишь... (8, с. 616)⁶⁶.

Революционные перемены обусловлены логикой исторического процесса, который подчиняет себе даже материальные объекты. Действительно, брусовой мост выдержал нагрузку, так как от этого зависело «спасение Царицына, спасение в эти страшные месяцы пролетарской революции» (8, с. 617). В целом мост стал метафорой будущего, которое должно наступить после неизбежной победы большевиков: «...недаром говорил Ворошилов, что материал подчиняется революции, — этот мост был ее творческим строительством, это был мост в будущее» (8, с. 626).

Как мифологический герой изображен в повести и Сталин: он не сомневается в своих решениях, не ошибается, а его характер статичен. Сознание героя остается непрозрачным, в тексте не представлено его внутренних монологов —

63 Гловинский М. «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий курс истории ВКП(б)» как мифическое сказание // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 147.

64 Там же. С. 148.

65 См. описание роли Сталина в обороне Царицына из упомянутой нами выше книги Ворошилова «Сталин и Красная Армия»: «...несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам и, невзирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе» (Ворошилов К.Е. Сталин и Красная Армия. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза СССР, 1937. С. 26–27).

66 Как мы писали выше, этому эпизоду уделяется место и в школьном учебнике. «На Дону казаки взорвали мост. Под градом пуль и снарядов белых казаков красные бойцы сделали самодельный мост через Дон. Часть людей работала, часть дралась с казаками. Ворошилов ободрял бойцов и примером личной храбрости вселял уверенность в отряды и сумел переправить красных через Дон в Царицын» (Краткий курс истории СССР... С. 167).

читатель не видит хода его размышлений и не понимает мотивов тех или иных поступков, а прямая речь Сталина (как и Ленина) в основном взята из его статей и публичных выступлений (8, с. 697–698). Похожая репрезентация фигур лидеров партии доминирует и в «Кратком курсе». В нем Ленин и Сталин сразу предстают как «сверхчеловеческие гении революции, великие учителя народов, вожди мирового пролетариата <...> С самого начала они изображаются как мифологические герои. Они не претерпевают никакой эволюции» и следуют своему заранее уготованному предназначению⁶⁷.

При этом фабула повести не ограничивается событиями, относящимися к обороне Царицына и подготовке к ней. В «Хлебе» довольно подробно описаны важнейшие для становления советского государства события 1917–1918 годов. Значительная часть исторических справок посвящена Брестскому миру, а также положению Красной армии во время интервенции. Некоторые пассажи толстовской книги почти дословно совпадают с соответствующими отрывками из «Краткого курса». Приведем несколько репрезентативных примеров.

Вот как в «Хлебе» мотивируется необходимость заключения Брестского мира: «Ленин, борясь за мир, за необходимую, как воздух, как хлеб, передышку от войны — хотя бы на несколько месяцев, когда смог бы окрепнуть новорожденный младенец — молодая советская власть» (8, с. 420–421). Ср. цитату из «Краткого курса»: «Продолжать войну в этих условиях — значило ставить на карту существование только что родившейся советской республики»⁶⁸. В обоих отрывках эксплуатируется органицистская метафорика — новое государство сравнивается с неокрепшим младенцем, который может умереть от перенапряжения и без того слабых сил.

При описании хода переговоров с Германией в обоих текстах большое внимание уделяется действиям «левых коммунистов», группе «предателей», предложивших формулу «ни мира, ни войны» якобы наперекор воле Ленина и Сталина. Вот как их цели описаны в учебнике:

Организуя тайный контрреволюционный заговор, одновременно группа «левых коммунистов» при поддержке Троцкого вела открытую атаку против большевистской партии, стремясь расколоть партию и разложить партийные ряды. Но партия сплотилась в этот тяжелый момент вокруг Ленина, Сталина, Свердлова и поддержала Центральный комитет в вопросе о мире⁶⁹.

В повести метафора сплочения буквализирована — во время внутрипартийных дебатов сторонники Ленина в прямом смысле встают рядом с ним:

Вслед за этими словами (Ленина о необходимости мира с немцами на любых условиях. — В. Ч.) начался водоворот в накуренной комнате — слов, восклицаний, бешеных жестов. Сталин и Свердлов придвинулись к Ленину. И — сразу тишина... Началось голосование, и на этот раз Ленин проломил брешь... Центральный комитет постановил послать германскому правительству радиограмму о согласии подписать мир (8, с. 427–428)⁷⁰.

67 Гловинский М. Указ. соч. С. 153.

68 История Всесоюзной коммунистической партии большевиков: Краткий курс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. С. 206.

69 Там же. С. 208.

70 В школьном же учебнике приказ заключить мир Троцкому дает только Ленин, Сталин при этом не упоминается: «Ленин обязал входившего в делегацию Троцкого

Толстой вписывал битву в широкий контекст событий 1917–1918 годов: «Я не даю <...> изолированную историю обороны Царицына, а хочу показать широкую картину всех нитей, ведущих к Царицыну, показать исторические корни обороны» (13, с. 579).

Масштаб замысла подчеркивало и название повести, которое отсылало к фразе Ленина «борьба за хлеб — это борьба за социализм»⁷¹, цитировавшейся и в «Кратком курсе». В словах Ленина хлеб становился символом борьбы за победу всей революции, на что вполне эксплицитно указывает и текст толстовской повести: «Оборона Царицына, казавшаяся до этого делом одного Царицына, поднималась на высоту обороны всей Советской республики» (8, с. 628). Динамику толстовского замысла можно проследить и на примере смены заглавий. В своих рассказах о работе над произведением автор регулярно называл повесть «Обороной Царицына». В финальном варианте заглавие стало таким: «Хлеб (оборона Царицына)».

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что трактовка важнейших событий 1917–1918 годов в повести практически идентична представленной в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Однако «Хлеб» вышел на год раньше учебника истории партии, что нарушало один из ключевых принципов функционирования сталинской культурной политики, в рамках которой писатели «были уполномочены переводить сакральные, бессмертные писания (Ленина и Сталина) на профанный <...> язык беллетристики»⁷². Выход «Хлеба» раньше «Краткого курса» переворачивал устоявшуюся матрицу, невольно делая сталинский учебник вторичным (вне зависимости от того, было ли это отрефлексовано современниками или нет) в том, что касается изображения и трактовки важнейших для создания советского государства событий. У читателя могло возникнуть впечатление, что важнейший идеологический документ (как и школьный учебник с практически идентичным названием) частично опирался на толстовскую повесть, пускай в действительности такое и едва ли было возможно. Впечатление усиливалось схожей конструкцией текстов, созданных на стыке фикционального и документального письма и содержащих сюжетные и текстуальные совпадения. К тому же толстовская повесть была написана вполне занимательно и лучше годилась для пропаганды среди массы малообразованного населения⁷³. «Краткий курс» сложнее усваивался и учащимися, и взрослыми гражданами СССР, поскольку «был <...> слишком абстрактным и отвлеченным для большинства тех, кому он предназначался»⁷⁴.

подписать мирный договор с немцами. Но Троцкий, явным образом играя на руку немцам и провоцируя их на новое наступление против безоружной Советской страны, сорвал мирные переговоры» (Краткий курс истории СССР... С. 165).

71 История Всесоюзной коммунистической партии... С. 212.

72 Кларк К. Указ. соч. С. 189.

73 Характерно, что чиновники в провинции прямо предлагали использовать повесть как инструмент пропаганды. Так, составители методички для харьковских библиотечек писали: «Читатель видит, как под руководством коммунистической партии и ее гениальных вождей создавалась, росла и крепла самая сильная в мире Красная Армия» (Котляревская С.Г., Резникова С.М. Как работать с книгой «Хлеб» А.Н. Толстого. Харьков: Издание библиотечного сектора харьковского областного отдела народного образования, 1938. С. 6). Далее следовал вывод о том, что «<п>рочитать книгу “Хлеб” должны все граждане нашей страны», а ключевая роль в продвижении книги Толстого среди читателей в провинции отводилась библиотекарям (Там же).

74 Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 93.

Неслучайно повесть Толстого начала снова издаваться после его смерти⁷⁵, когда идеологи партии признали расхождение «Краткого курса» с официальной пропагандой послевоенных лет. Именно в этот период «Агитпроп поспешил выпустить <...> целую серию дополнительных брошюр, проспектов, учебных планов и списков литературы, которые должны были помочь коммунистам в освоении партийного катехизиса»⁷⁶.

Усугубляло ситуацию еще и то, что толстовское отношение к роли источников при создании исторического нарратива противоречило сталинскому⁷⁷. Если Сталин считал «внеисточниковое знание — синоним <ом> объективности, реальности»⁷⁸, то писатель, наоборот, преувеличивал роль документов. Толстой регулярно подчеркивал важность изучения источников и общения с высокопоставленными участниками описываемых событий, сообщавшими информацию «из первых рук»: «У меня будет <...> описано одно действительное происшествие, случившееся с Ворошиловым, когда он попал в плен к белым. Этот эпизод до сих пор не был известен, и мне его рассказал сам Климент Ефремович» (13, с. 578).

Позиционирование повести как исторически достоверного произведения, оформлявшего каноническую версию событий, ставило Толстого в заведомо проигрышную и даже опасную с точки зрения выживания в советском социуме ситуацию еще по одной причине. Писатель, видимо, неосознанно претендовал на роль «мастера», хотя и локализованную в области конкретного участка исторического знания. В реалиях тогдашней политической системы положение «мастера» мог занимать исключительно Сталин, имевший эксклюзивный «доступ к внешнему канону идеологической истины»⁷⁹. Это позволяло ему «дава<ть> постоянные публичные комментарии и оценки того, насколько верны с точки зрения марксистско-ленинского канона <...> те или иные идеологические высказывания (а также научные тексты, художественные произведения, кинофильмы)»⁸⁰.

Толстой, подчеркивая строгую документальность «Хлеба», имплицитно оспаривал монополию генсека на верификацию исторической истины⁸¹. Эту истину должен был окончательно закрепить «Краткий курс», выполнявший

75 Илизаров Б.С. Указ. соч. С. 340.

76 Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 243.

77 Такого же взгляда на роль документальных источников придерживался автор одной из первых версий «Краткого курса» Е.М. Ярославский, который после презентации Сталину своего варианта текста потерял доверие вождя (Зеленов М.В., Бранденбергер Д. Указ. соч. С. 31–39). Учебник сначала переписывался П.Н. Поспеловым, а затем был значительно отредактирован Сталиным.

78 Там же. С. 32.

79 Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 51.

80 Там же. С. 53.

81 Однако уже во время работы над третьей частью «Хождений по мукам», к которой сюжетно примыкал «Хлеб», писатель заранее просил прощения у участников событий за то, что «он заставит их (в прошлом) говорить слова, которых они, может быть, не говорили, но могли сказать. Ведь выдумка иногда больше правды, больше, чем сама правда, и часто голая документальность малоубедительна» (13, с. 505). Теперь взгляды Толстого больше совпадали с присущим Сталину эссенциалистским пониманием исторического процесса. В случае Толстого деформация реальности легитимировалась воображением художника, позволявшим тем не менее представить достоверную картину происходящего.

функцию «главного текста — канонического свода вероучения», призванного «заменить все остальные мифы и предотвратить появление новых; новые мифы могут быть только еретическими»⁸². Таким «еретическим» текстом автоматически становился и «Хлеб», создавший параллельную художественную версию мифа о Гражданской войне, к тому же вышедший почти на год раньше сталинского учебника по истории партии. Иными словами, «Краткий курс», написанный под редакцией главы государства, неизбежно вытеснил из публичного дискурса даже идеологически выверенное художественное произведение знаменитого и авторитетного писателя (к тому же созданное последним на схожем материале).

Достоверно известно, что Сталин читал толстовскую книгу. В его архиве сохранилась вторая корректура «Хлеба» с немногочисленными пометами синим карандашом⁸³. Самая объемная из них касалась неизвестного эшелона, перегородившего дорогу составу, в котором Ленин ехал из Петрограда в Москву. Сталину не понравилось выражение «загадочный поезд». На полях он дал развернутое объяснение:

Нет ничего загадочного. Это был поезд матросов, отступавших со станции Дно и встретившихся с поездом Ленина на станции Бологое, где он и вклинился между нашими поездами. К нему примазались темные люди из лагеря террористов Савенкова <sic! — В.Ч.>, но именно примазались⁸⁴.

Другое замечание было призвано устранить фактическую неточность. В тексте повести говорится о том, что Сталин поехал с инспекцией на завод «Баррикады». Напротив этого места рукою Сталина написано: «Никаких Баррикад тогда не было»⁸⁵. Делая это замечание, его автор указывает на допущенную Толстым неточность и тем самым лишний раз подчеркивает свою роль в важных для победы революции событиях, каковая позволяет ему оценивать их достоверность.

Пристальное внимание Сталина к собственной биографии хорошо известно. Как отмечал М.В. Зеленев, руководитель СССР «следил за освещением <...> тех моментов, которые могли дать шанс оппозиции обвинить его в беспринципности и отходе от ленинской линии»⁸⁶. Интерес к биографии Сталина в начале 1930-х годов стали активно проявлять и культурные деятели, в среде которых созрел запрос на художественное изображение вождя⁸⁷. Как представляется,

82 Гловинский М. Указ. соч. С. 157.

83 Нам не удалось установить, читал ли Сталин первую корректуру повести и вносил ли в нее какую-либо правку. Возможно, отсутствие большого количества замечаний связано с тем, что основные изменения были внесены в текст после первой корректуры.

84 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 352. С. 45. Толстой проигнорировал замечание Сталина. Более того, словосочетание «загадочный поезд» появляется в тексте 4 раза (см.: Перхин В.В. А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетей, 2017. С. 63).

85 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Ед. хр. 352. С. 250.

86 И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Ч. 1. 1920–1930-е годы / Сост. М.В. Зеленев. СПб.: Наука-Питер, 2006. С. 114.

87 См.: Венявкин И.* «Небогатое оформление»: «Ложь» Александра Афиногенова и сталинская культурная политика 1930-х годов // Новое литературное обозрение. 2011. № 108 (2). С. 134–159.

Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

«Хлеб» стал еще и попыткой ответить на такой запрос⁸⁸. Однако проблема состояла в том, что повесть вступала в противоречие с другой важной тенденцией советского культурного дискурса, где «<t>ексты о вожде не могут быть авторскими <...> в тоталитарно<m> государств<e> связь между персонажем (вождем) и читателем (массами) прямая и не предполагает посредника автора»⁸⁹. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что основной вклад в сталиниану при жизни генсека (особенно в довоенный период) внесли авторы, находящиеся на периферии литературного поля, — поэты из национальных республик СССР или столичные писатели второго и третьего ряда. Толстой же, признанный классиком уже при жизни, в силу самого положения вещей внутри литературного поля и поля власти становился ненужным, излишним посредником между Сталиным и советскими гражданами, неизбежно переключая часть внимания на свою фигуру (что было, повторим, исключено самим устройством советской сталинской системы).

Показательно, что вскоре Толстой перестал подробно описывать действия генсека в своих произведениях⁹⁰. Исключением стала лишь пьеса «Путь к победе», задуманная одновременно с «Хлебом», но законченная позже — в конце 1938 года⁹¹. События там разворачиваются в 1918 году, когда войска «белых»

88 Другой подобный пример — пьеса Булгакова «Батум». Причина запрета ее постановки заключалась «не столько в конкретных промахах автора или отношении к нему Сталина, сколько в нежелательности биографического жанра» (*Эдельман О.* Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. С. 29). В «Кратком курсе истории СССР» Сталин также вымарал описание собственных детства и юности, ограничившись фразой, «что в Закавказье “подвизался с конца девятиных годов прошлого века ученик Ленина товарищ Сталин”» (*Дубровский А.М.* Указ. соч. С. 239).

89 См.: *Добренко Е.А.* Найдено в переводе: рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4 (78). С. 236–262. Самого Толстого, судя по всему, не удовлетворяла функция писателя, реализующего исключительно волю вождя. Роль «чернилницы на столе у Сталина», как пишет *Й. Хелльбек*, «предполагала переход <...> положения субъекта в положение объекта» (*Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 372), то есть автору отводилась роль «приспособлени<я>, посредством которого писалась история, воплощенная в Сталине» (Там же). Параллельно с «Хлебом» Толстой работал над книгой «Золотой ключик, или приключения Буратино». М.Н. Липовецкий изучил рукопись сказки и установил «ассоциаци<ю> между мотивом своего театра и образом Сталина». Это позволило исследователю «предположить, что Толстой мысленно обращает к Сталину мечту о собственном театре — об игре по собственным правилам» в советском литературном поле (см.: *Липовецкий М.Н.* Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 60. С. 252–268). Подобной версии придерживался и В.В. Перхин, изучавший историю отношений писателя и большевистских лидеров (*Перхин В.В.* Указ. соч. С. 58).

90 В этом контексте симптоматичным представляется тот факт, что Ярославский проиграл конкуренцию Пospelову не только в деле написания «Краткого курса», но и на поприще создания биографии Сталина. Выпущенная группой историков ИМЭЛ, в которую входил Пospelов, «Краткая биография» была лаконичной, в основном содержала набор цитат из речей героя и сосредотачивалась на его партийной карьере, что было изоморфно организации повествования в «Кратком курсе». Текст же Ярославского останавливался на частных подробностях жизни вождя (см. об этом: *Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale University Press, 2011. P. 212–215).

91 В «Хмуром утре» герои несколько раз упоминают Сталина, однако сам он появляется лишь в заключительном эпизоде на митинге.

вели наступление на Москву. Некоторые эпизоды пьесы и повести перекликались друг с другом — Ленин снова посылал Сталина на критический участок фронта, последний наводил порядок в войсках и вычислял шпионов из группы Троцкого, что вкупе с действиями Буденного стало залогом победы в противостоянии с интервентами и денкинцами.

В пьесе субординация внутри пары главных действующих лиц деформируется еще значительно. Теперь Ленин ведет себя по отношению к Сталину (на тот момент своему подчиненному) едва ли не подобострастно и соглашается со всеми его наставлениями. Динамику можно проследить по двум эпизодам. Первый происходит в Смольном, второй — в Кремле. В «Хлебе» читаем: «Сталин потер спичку о коробку, — головка, зашипев, отскочила, он чиркнул вторую, — огонек осветил его сощуренные <...> глаза» (8, с. 567). В «Пути к победе» в практически идентичном эпизоде Ленин «предупреждает движение Сталина, протянувшего руку к коробке спичек» и прикуривает собеседнику сигарету: «Осторожнее. Дайте, я сам... Эти спички необыкновенно опасны, головки отскакивают и прямо в глаз» (10, с. 389–390). В финале пьесы Ленин во время выступления перед уходящими на фронт бойцами цитировал афоризм Сталина: «Один замечательный человек (Сталин. — В. Ч.) недавно сказал мне: для Красной армии единственный понятный лозунг — это вперед, отступления она знать не хочет...» (10, с. 431). Несмотря на то, что главным героям в пьесе уделено примерно одинаковое количество места (оба появляются в 2 картинах по отдельности и еще в одной — вместе), Толстой позиционировал «Путь к победе» прежде всего как пьесу о Ленине (первоначально она даже должна была называться «Ленин»). Смещение акцента на фигуру автора «Апрельских тезисов» могло быть связано, в частности, с нежеланием писателя вызвать раздражение Сталина, трепетно относившегося к изложению собственной биографии.

Итак, ряд причин, прежде всего экстралитературных, способствовал неудаче Толстого на поприще создания мифологизированного нарратива о недавнем прошлом. Его повесть «Хлеб», писавшаяся под эгидой редакции ИГВ и претендовавшая на художественное оформление мифа о Гражданской войне, вступила в конкуренцию с важнейшим идеологическим документом, вышедшим почти на год позже. «Краткий курс истории ВКП(б)» стал сакральным для советской системы текстом, формулировавшим догматические представления о создании советского государства и обладавшим при этом свойствами художественного произведения. Его выход окончательно закреплял монополию Сталина на производство исторического воображаемого. Как следствие этого, писатели утратили возможность предлагать хотя бы относительно самостоятельные образы прошлого и теперь могли следовать лишь в фарватере исторического воображения вождя. Иными словами, «ошибка» Толстого заключалась в том, что он предложил свою художественную версию мифа о Гражданской войне раньше сталинской. Даже несмотря на отсутствие видимых противоречий в трактовке событий недавнего прошлого, писатель вступал в невольную конкуренцию с политическим лидером на поле создания исторического воображаемого⁹².

92 Любопытно проследить судьбу другого романа, написанного по заданию ИГВ, — «Пархоменко» Вс. Иванова. Последние части произведения были опубликованы в начале 1939 года, то есть после выхода «Краткого курса». По завершении публикации в журнале «Молодая гвардия» было напечатано обращение Главной редакции

Кроме того, в публичном дискурсе того периода нежелательно было излагать подробности деятельности Сталина в молодости. Возвращение к темам дореволюционного прошлого, как и в случае с циклом произведений о Петре Первом, позволяло Толстому оставлять идеологический «зазор» между историей и современностью: Иван Грозный хоть и ассоциировался со Сталиным, но все же не отождествлялся с ним полностью. Благодаря этому Толстой мог участвовать в процессе создания культа личности, не вызывая недовольства генсека, пристально следившего за рецепцией собственной биографии. Хотя и это писателю не удалось в полной мере — достаточно вспомнить о трудностях с постановкой пьесы «Иван Грозный» в начале 1940-х годов.

Библиография / References

- Барт П.* Миф сегодня // Барт П. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 72–130.
- (Barthes R.* Le mythe, aujourd'hui // Barthes R. Izbranye raboty: Semiotika: Poetika / Ed. by G.K. Kosikov. Moscow, 1989. P. 72–130. — In Russ.)
- Бранденбергер Д.* Заключение // История гражданской войны в СССР (1935 год): История текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2017. С. 566–592.
- (Brandenberger D.* Zaklyuchenie // Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR (1935 god): Istoriya teksta i tekst istorii / Ed. by M.V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow, 2017. P. 566–592.)
- Бранденбергер Д.* Как Сталин переписал историю Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ЦМСИР, 2018. С. 502–507.
- (Brandenberger D.* Kak Stalin perepisal istoriju Grazhdanskoj vojny // Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: Vlast' i obshhestvo po obe storony fronta: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 1–3 oktjabrja 2018 g.) / Ed. by Yu.A. Petrov. Moscow, 2018. P. 502–507.)
- Бранденбергер Д.* Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.). СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2009.
- (Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956. Saint Petersburg, 2009. — In Russ.)
- Быстрова О.В.* Участие А.Н. Толстого в проекте М. Горького «История гражданской войны» // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 2. С. 308–325.
- (Bystrova O.V.* Uchastie A.N. Tolstogo v proekte M. Gor'kogo «Istoriya grazhdanskoj vojny» // Studia Litterarum. 2025. Vol. 10. № 2. P. 308–325.)

ИГВ за подписью Сталина, Ворошилова и Минца. Его авторы сообщили, что «о “задании”, данном редакцией Иванову, им “ничего не известно”» (*Яранцев В.Н.* Всеволод Иванов: Жизнь неслучайного писателя. М.: Молодая гвардия, 2023. С. 394). Тем не менее судьба романа сложилась более благополучно в сравнении с повестью Толстого. Об этом свидетельствует тот факт, что вскоре Иванов начал работу над сценарием фильма, который вышел на экраны в 1942 году. В том же году писатель отмечал в своем дневнике: «каким пустяком кажутся эти волнения с „Пархоменко“, происходившие четыре года назад. Правда, „Пархоменко“ в течение этих четырех лет выручал меня не однажды, и сейчас я живу на деньги, полученные за фильм о нем» (*Иванов В.В.* Дневники / Предисл. Е.А. Папковой; коммент. Е.А. Папковой, М.А. Черняк. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 67). Кроме того, пьеса «Пархоменко» несколько лет успешно шла в Центральном театре Советской армии.

- Быстрова О.В., Закружная З.С., Московская Д.С.* «История гражданской войны»: издательский проект эпохи реконструкции // *Историография Гражданской войны в России: Исследования и публикации архивных материалов* / Отв. ред., сост. Д.С. Московская. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 15–31.
- (Bystrova O.V., Zakruzhnaya Z.S., Moskovskaya D.S.* «Istoriya grazhdanskoj vojny»: izdatel'skiy projekt epokhi rekonstruktsii // *Istoriografiya grazhdanskoj vojny v Rossii: Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov* / Ed. by D.S. Moskovskaya. Moscow, 2018. P. 15–31.)
- Вайскопф М.* Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
- (Vayskopf M.* Pisatel' Stalin. Moscow, 2001.)
- Великанова О.* Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- (Velikanova O.* Mass Political Culture Under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Moscow, 2021.)
- Венявкин И.* «Небогатое оформление»: «Ложь» Александра Афиногенова и сталинская культурная политика 1930-х годов // *Новое литературное обозрение*. 2011. № 108 (2). С. 134–159.
- (Venyavkin I.* «Nebogatoe oforneniye»: «Lozh'» Aleksandra Afinogenova i stalinskaya kul'turnaya politika 1930-kh godov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. № 108 (2). P. 134–159.)
- Ганин А.В.* Образ белогвардейского агента генерала Носовича в повести А.Н. Толстого «Хлеб» // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 394–407.
- (Ganin A.V.* Obraz belogvardeyskogo agenta generala Nosovicha v povesti A.N. Tolstogo «Khleby» // *Studia Litterarum*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 394–407.)
- Гловинский М.* «Не пускать прошлого на самотек»: «Краткий курс истории ВКП(б)» как мифическое сказание // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С. 142–160.
- (Głowiński M.* «Ne puskat' proshlogo na samotek»: «Kratkiy kurs istorii VKP(b)» kak mificheskoye skazanie // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1996. № 22. P. 142–160.)
- Добренко Е.А.* Музей революции: Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (Dobrenko E.* Muzey revolyutsii: sovetskoye kino i stalinskiy istoricheskiy narrativ. Moscow, 2008.)
- Добренко Е.А.* Найдено в переводе: Рождение советской многонациональной литературы из смерти автора // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 4 (78). С. 236–262.
- (Dobrenko E.A.* Naydeno v perevode: rozhdeniye sovetskoy mnogonatsional'noy literatury iz smerti avtora // *Neprikosnovenny zapas*. 2011. № 4 (78). P. 236–262.)
- Добренко Е.А.* Между историей и прошлым: Писатель Сталин и литературные истоки советского исторического дискурса // *Соцреалистический канон: Сборник статей* / Под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 639–672.
- (Dobrenko E.A.* Mezhdru istoriye i proshlym: pisatel' Stalin i literaturnyye istoki sovetskogo istoricheskogo diskursa // *Sotsrealisticheskiy kanon* / Ed. by X. Gyunter and E. Dobrenko. Saint Petersburg, 2000. P. 639–672.)
- Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: Эстетика политики: В 2 т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Dobrenko E.A.* Pozdnyiy stalinizm: estetika politiki: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2020.)
- Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2017.
- (Dubrovskiy A.M.* Vlast' i istoricheskaya mysl' v SSSR (1930-1950-e gg.). Moscow, 2017.)
- Зеленов М.В., Бранденбергер Д.* Предисловие // «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М.: Политическая энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2014. С. 3–60.
- (Zelenov M.V., Brandenberger D.* Predisloviye // «Kratkiy kurs istorii VKP(b)». Tekst i ego istoriya: V 2 ch. / Comp. M.V. Zelenov, D. Brandenberger. Vol. 1. Moscow, 2014. P. 3–60.)
- Зеленов М.В.* Предисловие // «История гражданской войны в СССР» (1935 год): История текста и текст истории / Сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М.: РОССПЭН, 2017. С. 5–20.
- (Zelenov M.V.* Predisloviye // «Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR» (1935 god): istoriya teksta i tekst istorii / Comp. by M.V. Zelenov, D. Brandenberger. Moscow, 2017. P. 5–20.)
- Илизаров Б.С.* «Хлебом» единым...: А.Н. Толстой и его повесть «Хлеб (оборона Царицына)». 1937 г. // *Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени: К 80-летию Анатолия Евгеньевича Иванова* / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2018. С. 327–346.
- (Ilyzarov B.S.* «Kheboym» edinyim...: A.N. Tolstoy i ego povest' «Khleby (oborona Tsaritsyna)». 1937 g. // *Kul'tura i mentalitet Rossii Novogo i Noveyshogo vremeni: K 80-letiyu Anatoliya Evgen'evicha Ivanova*. Moscow, 2018. P. 327–346.)
- Ирошников М.П., Зеленов М.В., Бранденбергер Д., Пивоваров Н.Ю.* Некоторые тео-

- ретические проблемы изучения истории гражданской войны и варианты их решения в 1930–1935 годов // Новейшая история. 2018. Т. 8. № 2. С. 487–506.
(*Iroshnikov M.P., Zelenov M.V., Brandenberger D., Pivovarov N.Yu.* Nekotorye teoreticheskie problemy izucheniya istorii grazhdanskoj vojny i varianty ikh resheniya v 1930–1935 godov // Noveyshaya istoriya. 2008. Vol. 8. № 2. P. 487–506.)
- Кларк К.* Москва, четвертый Рим: Сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2018.
(*Clark K.* Moscow, Fourth Rome. Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941. Moscow, 2018. — In Russ.)
- Крестинский Ю.А.* А.Н. Толстой. Жизнь и творчество (краткий очерк). М.: Изд-во АН СССР, 1960.
(*Krestinskiy Yu.A.* A.N. Tolstoy. Zhizn' i tvorchestvo (kratkiy ocherk). Moscow, 1960.)
- Липовецкий М.Н.* Утопия свободной марионетки, или Как сделан архетип // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 252–268.
(*Lipovetskiy M.N.* Utopiya svobodnoy marionetki, ili Kak sdelan arkhetyip // Novee literaturnoe obozrenie. 2003. № 60. P. 252–268.)
- Максименков Л.В.* Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция 1936–1938 годов. М.: Юридическая книга, 1997.
(*Maksimenzkov L.V.* Sumbur vmesto muzyki. Stalinskaya kul'turnaya revolyutsiya 1936–1938 godov. Moscow, 1997.)
- Олейников А.* Освобождение события // Уайт Х. Практическое прошлое. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 7–28.
(*Oleynikov A.* Osvobozhdenie sobytiya // White H. Prakticheskoe proshloe. Moscow, 2024. P. 7–28.)
- Перхин В.В.* А.Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017.
(*Perkhin V.V.* A.N. Tolstoy i vlast'. Saint-Petersburg, 2017.)
- Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитонова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
(*White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe. Ekaterinburg, 2002. — In Russ.)
- Хелльбек Й.* Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(*Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary under Stalin, Moscow, 2017. — In Russ.)
- Чарный М.Б.* Путь Алексея Толстого: Очерк творчества. М.: Художественная литература, 1961.
(*Charnyy M.B.* Put' Alekseye Tolstogo: ocherk tvorchestva. Moscow, 1961.)
- Шатин Ю.В.* Политический миф и его художественная деконструкция // Критика и семиотика. 2003. № 6. С. 67–78.
(*Shatin Yu.V.* Politicheskij mif i ego khudozhestvennaya dekonstruktsiya // Kritika i semiotika. 2003. № 6. P. 67–78.)
- Эдельман О.* Сталин, Коба и Сосо. Молодой Сталин в исторических источниках. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
(*Edel'man O.* Stalin, Koba i Soso. Molodoy Stalin v istoricheskikh istochnikakh. Moscow, 2016.)
- Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(*Yurchak A.* Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation. Moscow, 2017. — In Russ.)
- Яранцев В.Н.* Всеволод Иванов: Жизнь неслучайного писателя. М.: Молодая гвардия, 2023.
(*Yarantsev V.N.* Vsevolod Ivanov: Zhizn' nesluchaynogo pisatelya. Moscow, 2023.)
- Brandenberger D.* Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927–1941. New Haven: Yale University Press, 2011.
- Brooks J.* Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Davies S., Harris J.* Stalin's World: Dictating the Soviet Order. New Haven; London: Yale University Press, 2014.
- MacKinnon E.* Writing History for Stalin: Isaak Izrailevich Mints and the Istorii grazhdanskoj vojny // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 1. P. 5–54.